

Дэвид
Нотт

ВОЕННЫЙ врач

хирургия
на линии фронта

БОМБОРА™

Москва 2021

УДК 61:355
ББК 58
Н85

David Nott
War Doctor: Surgery on the Front Line

WAR DOCTOR © David Nott, 2019
Afterword © Eleanor Nott, 2019

Фото на обороте: © Jason Alden / eyevine / East News

Нотт, Дэвид.

Н85 Военный врач. Хирургия на линии фронта / Дэвид Нотт ; [перевод с английского И. Чорного]. — Москва : Эксмо, 2021. — 336 с. — (Призвание. Книги о тех, кто нашел свое дело в жизни).

ISBN 978-5-04-119076-7

«Я исколесил мир в поисках проблем» – так могла бы начинаться история какого-нибудь авантюриста, стремящегося испытать себя в экстремальных условиях. И это была бы книга о приключениях, полуправдивых и захватывающих. Но автор этой фразы и книги совсем не путешественник и крайне далек от художественного вымысла, ведь ему довелось столкнуться с самой неприглядной реальностью, какую только можно себе представить, – войной. Доктор Нотт побывал в Афганистане, Ираке, Сирии и других горячих точках, оперировал и принимал роды под грохот разрывающихся снарядов и вытаскивал с того света людей в условиях, не имевших ничего общего с хорошо оборудованными европейскими клиниками. Эту книгу он написал, пытаясь ответить самому себе на вопрос: что заставляет врача отправляться в самые опасные места на планете и, несмотря на творящийся вокруг ужас, с риском для собственной жизни выполнять свою работу, помогать и утешать людей, оказавшихся в беде.

ВНИМАНИЕ! Мнение автора книги может не совпадать с позицией издательства.

УДК 61:355
ББК 58

© Иван Чорный, перевод на русский язык,
2021

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-119076-7

ОТЗЫВ РОССИЙСКОГО СПЕЦИАЛИСТА

Я очень рад, что стал одним из первых, кто прочитал книгу «Военный врач». Она не только о виртуозных операциях во время военных действий, когда нет яркого освещения и достаточной санитарной обработки инструментов, но и о сочувствии, эмпатии. Мы привыкли смотреть фильмы про войну или сюжеты СМИ, но когда читаешь книгу, становится очень страшно за людей, мирных жителей, кто не по своей воле должен пройти через такие испытания.

И в таком мире все еще остаются врачи как Дэвид Нотт. Он обычный человек со своими страхами и проблемами, но готовый потратить время и силы, даже жизнь, на спасение людей, которые очень в нем нуждаются.

Каждая новая операция — это вызов для Дэвида, смертельные травмы, изуродованные тела детей, женщин... Но не все операции заканчиваются трагично, особенно, когда такой врач чудом оказался рядом.

После такой книги начинаешь верить в людей, медиков, перестаешь быть равнодушным и безразличным по отношению к окружающим.

*Практикующий хирург,
член Российского общества хирургов,
автор популярного подкаста «Будни Хирурга»
и блога @budnihirurg*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
1. САМОДЕЛЬНЫЕ	10
2. ДВА ОТКРОВЕНИЯ	29
3. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В САРАЕВО	52
4. КОНТРОЛЬ ПОВРЕЖДЕНИЙ	72
5. ПОД АФРИКАНСКИМ НЕБОМ	94
6. ЗОВ НЕБА	125
7. ШКОЛА ТРАВМАТОЛОГИИ	144
8. ВОЗВРАЩЕНИЕ В СИРИЮ	164
9. ГОРОД СНАЙПЕРОВ	188
10. СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ	226
11. ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА	256
12. ВРАЧ, ИСЦЕЛИ СЕБЯ САМ	284
13. СПАСЕНИЕ ИЗ АЛЕППО	302
ПОСЛЕСЛОВИЕ	325
БЛАГОДАРНОСТИ	330

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я исколесил мир в поисках проблем. Это своего рода зависимость, привычка, которой сложно сопротивляться. Отчасти она исходит из моего желания применить свои навыки хирурга для помощи людям, испытавшим на себе худшие проявления человечества, а отчасти объясняется трепетом, который испытываешь, оказавшись в этих ужасных местах, где большинство людей не бывали и не хотели бы оказаться.

ЧЕЛОВЕК ВОЕВАЛ С НЕЗАПАМЯТНЫХ ВРЕМЕН — КАК ПРАВИЛО, С ТЕМИ, КТО ЖИЛ ПО СОСЕДСТВУ.

Военное дело превратилось в профессию, и риску быть раненым или убитым на поле боя подвергались в основном солдаты. Ожесточенные сражения обычно проходили вдали от жилых мест, и на линии фронта находились только бойцы. Во время Второй мировой войны, однако, ситуация начала меняться, и теперь большинство жертв приходится на ни в чем не повинное мирное население.

Постепенно повышалась и эффективность средств по уничтожению потенциальных жертв. К счастью, миру не пришлось повторно столкнуться с масштабными разрушениями, оставленными двумя атомными бомбами в Японии более семидесяти лет назад, когда сотни тысяч людей были убиты единственным опустошительным оружием. Вместе с тем, однако, существуют всевозможные системы доставки боеголовок, снарядов, бомб и пуль с постоянно увеличивающейся боевой мощностью, и каждая из них предназначена для нанесения чудовищных повреждений человеческому телу. Причем больше всего от войн достается тем, кто меньше всего к ним подготовлен: бедным и обездоленным, людям, живущим в антисанитарных условиях и лишенным многих благ цивилизации. Война способна сделать и без того тяжелую жизнь невыносимой.

Во всем мире есть хорошие врачи и медсестры — слава богу, стремление посвятить жизнь медицине характерно для некоторой части населения любой страны.

Вместе с тем экстремальные события, будь то война или стихийное бедствие, расширяют границы возможного. Травмы становятся более серьезными, ресурсов все меньше, медработники подвергаются все большему стрессу и зачастую сами оказываются в опасности. Даже самые квалифицированные и опытные хирурги будут шокированы увиденным в зоне боевых действий, как это было со мной. Нужно время, чтобы отточить необходимые навыки и наработать опыт, которые помогут справиться с большинством проблем.

В этой книге я попробую разобрать причины, которые вот уже более двадцати лет побуждают меня добровольно отправляться в опасные места, чтобы помочь пострадавшим от событий, как правило, совершенно никак от них не зависящих. Я многократно ввязывался в чужие войны — в Афганистане, Сьерра-Леоне, Либерии, Чаде, Кот-д'Ивуаре, Демократической Республике Конго, Судане, Ираке, Пакистане, Ливии, Газе, Сирии и других странах. Порой я работал в хорошо оснащенных больницах вдали от боевых действий, а иногда и в плохо оборудованных полевых госпиталях прямо на линии фронта — в тяжелых условиях, где нет диагностических приборов вроде рентгеновских аппаратов или компьютерных томографов, на которые можно было бы положиться.

**ПОЧЕМУ ЖЕ РАЗ ЗА РАЗОМ Я ВОЗВРАЩАЮСЬ В МЕСТА,
ГДЕ ЦАРЯТ НЕСЧАСТЬЯ И СТРАДАНИЯ? ОТВЕТ ПРОСТ: ЧТОБЫ
ПОМОГАТЬ ЛЮДЯМ, КОТОРЫЕ, ПОДОБНО МНЕ ИЛИ ВАМ,
ИМЕЮТ ПРАВО НА ДОСТОЙНУЮ МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ.**

Как мы поступаем, когда маленький ребенок, прищемив палец дверью, плачет, а рядом никого, кроме нас, больше нет? Мы подхватываем малыша на руки, жалеем его, обещаем, что все будет хорошо, проявляем любовь и нежность — объятия

дают чувство защищенности. Они как бы говорят: «Я рядом, присмотрю за тобой, помогу».

Именно такая реакция нужна, когда в зоне боевых действий перед тобой пациент с ужасными травмами. Ему необходимы утешение и защита. И врач должен ему их обеспечить, внушить уверенность, что сможет помочь и сделает все правильно, избавит от боли.

Даже в мирные времена, оказавшись в больнице, люди нервничают, а в условиях войны стресс значительно обостряется. Очень важно всем своим видом демонстрировать уверенность и силу. Теперь у меня это получается гораздо лучше, чем раньше. Тем не менее ставки высоки, поскольку обычно где-то рядом присутствует оружие, в воздухе витает напряжение, а тем, у кого в руках сила, закон не писан.

Я ПОБЫВАЛ ВО МНОЖЕСТВЕ ОПАСНЫХ СИТУАЦИЙ, И МНЕ, ВНЕ ВСЯКИХ СОМНЕНИЙ, ПОВЕЗЛО ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ.

Женевские конвенции призваны обеспечить защиту как раненым, так и всем тем, кто оказывает во время войны медицинскую помощь. В 2016 году я организовал в Лондоне демонстрацию против ковровых бомбардировок больниц в Сирии и других горячих точках по всему миру. Больницы требуют защиты и уважительного отношения. Бомбардировка и уничтожение больниц — это не просто грех, это зло, поскольку преступники заявляют о преднамеренности и оправданности своих действий. За первые шесть лет войны в Сирии на больницы было совершено более 450 нападений. Были месяцы, когда медицинские учреждения атаковали чуть ли не ежедневно.

Организация демонстрации, выступления по телевизору в рамках борьбы за формирование гуманитарных коридоров, создание фонда для распространения специализированных знаний по травматологической хирургии — все это показалось бы мне чем-то немыслимым, когда я был молодым консультантом в начале 1990-х. Это поступки человека, которого я молодой попросту не узнал бы, — вот только это все еще я, и мы оба — продукт моего валлийского воспитания

и всех бесчисленных факторов, формирующих человеческую личность.

Активистская и учебная деятельность стала результатом всего моего опыта, особенно последних лет в Сирии. С 2012 года я совершил туда три длительные поездки, неоднократно бывал в пограничной зоне, и за это время моя жизнь кардинально изменилась. Я принялся анализировать знания, приобретенные за свою карьеру, и делиться ими, чтобы помочь другим врачам, особенно из тех стран, где идет война. Я очень злился из-за того, что мировые державы не в состоянии предотвратить нападения на больницы и медицинский персонал в условиях, когда те просто пытаются спасти жизни. Но самым чудесным стало то, что я всерьез увлекся женщиной, с которой мне захотелось провести остаток жизни, женился на ней и стал отцом.

С 2012 года я бывал и в других местах, но Сирия проходит через этот самый необыкновенный период моей жизни красной нитью — швом, к которому я постоянно возвращаюсь. Эти поездки были самыми удивительными, насыщенными, разочаровывающими и опасными из всех.

САМОДЕЛЬНЫЕ БОМБЫ

Летние Олимпийские игры 2012 года в Лондоне были в полном разгаре, команда Великобритании завоевала рекордное количество медалей, и страна купалась в лучах славы успешно выступивших спортсменов. Сложно было представить, что всего в нескольких часах полета на самолете целая страна погружалась в жестокую анархию.

Я был загружен повседневной работой в Национальной службе здравоохранения. Большую часть года я работаю в трех больницах Лондона: в «Сент-Мэри» — хирургом-консультантом* отделения травматологии и сосудистой хирургии; в «Роял Марсден» помогаю хирургам-онкологам таких специальностей, как общая хирургия, урология, гинекология и челюстно-лицевая хирургия, удалять крупные опухоли целиком, после чего обычно требуется обширная сосудистая реконструкция; в больнице «Челси и Вестминстер» — консультантом лапароскопической (малоинвазивной) и общей хирургии. Помимо этого, с начала 1990-х я проводил по несколько недель в качестве хирурга-травматолога в зонах боевых действий по всему миру. Я внимательно смотрю новости по телевизору, отслеживая информацию по новым горячим точкам, зная, что в любой момент ко мне за помощью непременно обратится какая-нибудь гуманитарная организация.

Когда я получаю такой звонок, мое сердце бешено колотится и возникает непреодолимое желание устранить любое препятствие, способное помешать туда поехать. Я всегда от-

* Консультант — старшая врачебная должность в Великобритании, синоним — старший врач, старший хирург.

вечаю: «Дайте мне два часа, и я вам перезвоню». Мне могут позвонить прямо во время операции либо когда принимаю пациента. Где бы я ни находился и чем бы ни был занят, желание поехать неизбежно сильное и почти непреодолимое, но всегда соглашаться я не могу. Я мог бы получать по несколько запросов в месяц из разных агентств и без труда работать волонтером на полную ставку, но должен еще и зарабатывать себе на жизнь. Конечно, я получаю порядка трехсот фунтов за месяц полевой работы, но большая их часть уходит на повседневные расходы.

Прежде чем дать согласие на что-либо, я звоню заведующему хирургией в больнице «Челси и Вестминстер», с которой заключен контракт, и объясняю, что меня попросили помочь с одним гуманитарным кризисом. Затем прошу предоставить мне неоплачиваемый отпуск на время отсутствия. Как правило, возражений не возникает, «если ты разберешься со всеми своими пациентами, операциями и дежурствами». Мне еще ни разу не отказывали. Нет никаких сомнений — соблазн отправить меня в неоплачиваемый отпуск с сохранением всех обязательств перед больницей помогает развеять любые тревоги, которые только могут возникнуть у НСЗ*!

Летом 2012 года мне позвонили из главного офиса организации «Врачи без границ» в Париже и предложили поработать в их больнице в Сирии. Сделав все обычные приготовления к отъезду, я собрал вещи и сел на самолет в Турцию.

Подобно большинству людей, я знал, что Сирия — это страна на Ближнем Востоке, державшаяся в стороне от конфликтов, охвативших ее соседей. Она граничит с Ираком, Ливаном и Израилем — тремя странами, которые сложно назвать оазисами спокойствия. Большую часть моей жизни Сирия была закрытой, отчасти изолированной, но мирной страной, где порой проводили отпуска самые отважные западные туристы.

Многие из стран, в которых я работал добровольцем, погрузи в хаос после того, как их авторитарному правлению

* Национальная служба здравоохранения Великобритании.

был брошен вызов. Природа, может, и не терпит пустоты*, но разжигатели войн ее обожают. В Сирии авторитарный режим обеспечивала семья Асадов, которая правила страной с момента прихода к власти в результате бескровного переворота в 1970 году. Нынешний президент Башар Асад вступил в должность в 2000 году после смерти своего отца Хафеза, получив 99,7% голосов избирателей, что закрепило его приход к власти. В стране, где три четверти населения — сунниты, семья Асадов была светилом секты алавитов — религиозного меньшинства, исповедующего алавизм, ответвление шиитского ислама. Вокруг них царил своего рода культ личности, и портреты Хафеза и Башара украшали многие учреждения и магазины. Удерживать в своих руках власть по многовековой традиции им помогала славящаяся своей жестокостью тайная полиция, представители которой выделялись непременно солнцезащитными очками и кожаными куртками.

Мое знакомство с Сирией началось очень давно: в 1970-х годах у отца был практикант, доктор Бурак. Отец называл его лучшим ординатором, с которым ему когда-либо доводилось работать.

КРОМЕ ТОГО, Я ПОЗНАКОМИЛСЯ С МОЛОДЫМ ДОКТОРОМ БАШАРОМ АСАДОМ, КОГДА ОН БЫЛ СТАРШИМ ИНТЕРНОМ ОФТАЛЬМОЛОГИИ В НАЧАЛЕ 1990-Х.

Мы обсуждали пациента, у которого были проблемы с глазом из-за небольшого тромба, оторвавшегося в сонной артерии. Он казался очень приятным и почтительным — я и подумать не мог, что многие годы спустя наши пути снова пересекутся.

Лед в Сирии тронулся в 2010 году, когда демонстранты вышли на улицы Туниса, протестуя против многих вещей, включая высокий уровень коррупции и безработицы, отсутствие свободы слова. В начале следующего года был свергнут давний президент Туниса, что не осталось без внимания других стран Северной Африки и Ближнего Востока, где насе-

* Знаменитое изречение Аристотеля.

ление тоже было недовольно своим правительством. В начале 2011 года были проведены масштабные и продолжительные акции протеста в Марокко, Алжире и Судане, а затем в Ираке, Ливане, Иордании и Кувейте. В пяти других странах — Ливии, Египте, Йемене, Бахрейне и Сирии — волна протестов и восстаний, получившая название «Арабская весна», обернулась серьезными мятежами, свержением режимов, а то и вовсе полномасштабной гражданской войной. Демократических перемен к лучшему с помощью беспорядков удалось добиться лишь в Тунисе: многие другие страны оказались в куда более бедственном положении, чем раньше.

В Сирии протесты, призывавшие к свержению президента Асада, подавлялись с особой жестокостью. По моему мнению, гражданской войны можно было избежать либо быстро ее свернуть, если бы правительство менее радикально отреагировало на протесты. В марте 2011 года несколько детей рисовали баллончиками граффити с антиправительственными лозунгами на стенах в южном городе Дараа; Асад приказал силовикам задержать детей и подвергнуть их пыткам. В ответ на это на улицы хлынули тысячи протестующих. Двадцать второго марта войска Асада штурмом взяли больницу в Дараа и заняли здание, разместив на крыше снайперов. Когда протесты усилились, снайперы принялись за работу. Хирург Али Аль-Махамид был убит, пытаясь помочь раненым, а когда позже в тот же день тысячи скорбящих пришли на его похороны, они тоже были расстреляны. Снайперы оставались на крыше еще два года, стреляя по больным и раненым, которые пытались получить медицинскую помощь.

Когда протесты вспыхнули по всей Сирии, система здравоохранения страны стала громоотводом для разногласий, разрывавших на части сирийское общество. Для тех, кто противостоял существующему режиму, — в основном это были сунниты, из которых сформирована Свободная сирийская армия, — обращение за медицинской помощью для лечения ран, полученных в ходе боевых действий, стало почти таким же опасным, как и сами боевые действия.

В руках режима система здравоохранения превратилась в оружие. Больницы стали продолжением аппарата госбезопасности: медицинскому персоналу, сохранившему верность

Асаду, было приказано разбираться лишь с мелкими травмами мирного населения. Раненых и ожидающих лечения протестующих часто забирали из палат и увозили, подвергали допросам.

Согласно данным имеющихся документов, за первый год восстания 56 медицинских работников были либо застрелены снайперами, либо замучены до смерти в тюрьмах. В 2012 году Асад издал новый закон, требующий сообщать об антиправительственной деятельности — по сути, любой, кто оказывал медицинскую помощь человеку, не бывшему активным сторонником Асада, становился преступником. Вот с каким давлением приходилось сталкиваться медицинскому персоналу по всей стране, просто чтобы выполнять свою работу.

Я прилетел в Стамбул, а затем в Хатай, аэропорт неподалеку от Рейханлы, ближайшего турецкого города к сирийской границе. Меня отвезли в штаб «Врачей без границ», где провели краткий инструктаж о предстоящей миссии, дали последние указания о мерах предосторожности и объяснили маршруты отступления на случай экстренной эвакуации. На следующий день меня подобрала машина с водителем-сирийцем и местным снабженцем — они отвезли меня на блокпост прямо перед границей, где зарегистрировали под вымышленным именем и выдали документы. Водитель отвез меня на границу, находившуюся под пристальным контролем турецких военных, и они проверили мои документы. Мы пересекли границу, представлявшую собой просто забор из колючей проволоки, и стали ждать сирийскую машину, которая должна была отвезти меня в больницу «Врачей без границ» в Атме. Мы миновали недавно появившийся лагерь беженцев, где несколько тысяч человек жили в антисанитарных условиях в рваных палатках. Хотя палатки и были потрепаны, люди в них, к моему удивлению, оказались хорошо одетыми, в чистой обуви и, должно быть, гордились своим внешним видом. Уверен, они не отдавали себе отчета, что полученный статус беженца был лишь началом жалкого существования, предстоявшего им в ближайшие годы. «Врачи без границ» — медицинская гуманитарная организация, с которой мне уже несколько раз доводилось работать, —

заняли в городе большую обнесенную стеной виллу, оборудовав в ней больницу под кодовым названием «Альфа», — это был их первый подобный объект в Сирии. Дом большой, с хорошими пропорциями, принадлежал человеку, который сам был хирургом и работал в Алеппо. В ожидании наплыва пациентов комнаты были перепрофилированы: столовая стала операционной, гостиная — приемным покоем, где проводился первичный осмотр пациентов, а на кухне разместился стерильный блок. На первых двух этажах расположили палаты, а помещения для персонала — на верхнем этаже. Когда я приехал, было настолько жарко, что мы, как правило, спали на крыше под москитными сетками. Волонтеры из Сирии и из-за рубежа лежали, измотанные после бесконечной смены, и наблюдали за проносящимися в небе реактивными самолетами, попутно разглядывая звезды в черном как смоль небе.

Я быстро вошел в ритм и почувствовал себя полезным. Мы просыпались рано, встречались с руководителем миссии, который вкратце рассказывал об обстановке в тот день, о том, где велись основные бои, и прочую информацию, после следовал обход пациентов. Я чрезвычайно обрадовался, увидев здесь Пита Мэтью, первоклассного врача, с которым уже работал ранее. Он был нейрохирургом-консультантом в Данди и несколько лет назад загорелся желанием попробовать себя в гуманитарной работе. Еще в 2002 году совместно с коллегами Паулиной Доддс и Дженни Хейворд-Карлссон я провел учебный курс, профинансированный британским Красным Крестом, для подготовки хирургов к работе в зонах военных действий, и Пит был одним из участников. Мы стали хорошими друзьями и с тех пор поддерживали связь.

После обхода пациентов мы завтракали и принимались за операции: на раннем этапе войны жертв было еще не так много, и у нас оставалось время для проведения плановых и дополнительных операций людям, чья жизнь уже не подвергалась непосредственной опасности.

Вскоре, однако, ситуация накалилась и количество неотложных операций значительно возросло: когда правительство начало обстреливать жилые дома из минометов и выпускать реактивные снаряды с вертолетов, к нам стали массово посту-